

П. ТРОФИМОВ, Е. ПОМОГАЕВА

Фальсификация истории философии

«History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day» by BERTRAND RUSSELL. London, 1946, p. 916.

Семидесятипятилетний лорд Бертран Рёссель — философ-идеалист, бывший в молодости трубадуром позорнейшей англо-бурской войны, перед второй мировой войной — отъявленным мюнхенцем, а в период этой войны — лживым пацифистом или, иначе говоря, скрытым фашистом, — ныне яростно пропагандирует черчиллевскую империалистическую идею всемирного правительства, «всемирных соединённых штатов», и призывает американских милитаристов забросать Советскую Россию атомными бомбами. «Я вижу, — истступлённо визжит сей чистопородный старец, — только одну надежду на сохранение цивилизации (то есть капитализма. — *Авторы*) — смелую и более или менее империалистическую политику Соединённых Штатов в течение ближайших лет, до того, как другие державы будут иметь атомные бомбы»*. Философствующий бандит призывает реакционные силы мира к войне против советского народа и, рабски заискивая перед американским денежным мешком, нагло заявляет, что «если американское правительство прикажет нам (англичанам. — *Авторы*) идти воевать, мы будем послушны»**.

В философии Рёссель возглавляет одно из самых реакционных направлений современного субъективного идеализма — неореализм, или логический позитивизм, который не означает ничего другого, как современную разновидность махизма. С точки зрения логического позитивизма, подлинной реальностью обладают не вещи и процессы материального мира, а продукты логического мышления и прежде

* Из публичного выступления в Брюсселе 3 октября 1947 г.

** Там же.

всего понятия чистой математики. «Естественно утверждать, — заявляет Рёссель, — что <...> объекты мысли более реальны, чем объекты чувственного восприятия»*. Реальные вещи Рёссель объявляет результатом мыслительной деятельности человека.

Вопреки науке и человеческой практике, полностью подтверждающей истину материалистического утверждения о первичности материи, Рёссель уверяет, что первоосновой всего существующего является не материя, а некоторый «нейтральный материал», «чистый опыт», из которого якобы возникают как материя, так и дух. Термины «нейтральный материал» и «чистый опыт» употребляются этим прожжённым идеалистическим фальсификатором в качестве ширмы для прикрытия его махового субъективного идеализма, признающего основой мира сознание отдельного субъекта. Рёссель продельывает эти махинации для того, чтобы придать видимость научности своей философии, которая, по его лживому утверждению, якобы преодолевает «односторонность как материализма, так и идеализма». Рёссель объявляет единственно верной философской системой философию «нейтрального монизма» — квазиучёный термин, придуманный американским идеалистом Джеймсом. Передёргивая и обманывая, представители сего «монизма» заявляют, что ими в качестве основы мира признаётся не материальное и не духовное начало, а нечто «нейтральное», что якобы и не материально и не духовно. «В то время как физика сделала материю менее материальной, — говорит Рёссель, — психология сделала мышление менее интеллектуальным <...> Таким образом, как физика, так и психология дополнили друг друга и сделали более возможной теорию “нейтрального монизма”, предложенную У. Джеймсом <...> Я думаю, что и мышление и материя являются просто удобными способами группировки событий <...> Эта теория вносит значительное упрощение в нашу картину структуры мира»**.

Фактически «упрощение», которым хвалится идеалист Рёссель, означает отрицание объективного материального мира и ограничение познания человека областью субъективных переживаний. И дух и материя объявляются продуктом сознания человека, а различие между ними оказывается всего лишь различием «точек зрения» или «способов рассмотрения» явлений познающим субъектом. Для Рёсселя материя — это всего лишь «устойчивая группировка событий», причём сами «события» толкуются им в субъективно-идеалистическом духе как совокупность восприятий человека. Эту

* *Russell B. History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. London, 1946. P. 55.*

** *Ibid. P. 861.*

идеалистическую чепуху Рёссель объявляет своим философским «открытием», вытекающим якобы из последних достижений науки. В действительности же Рёссель повторяет старый реакционный вздор, идеалистическую сущность которого с неопровержимой убедительностью вскрыл и показал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». Когда английский махист Пирсон определил материю как «постоянные группы чувственных восприятий», назвав это «новейшим позитивизмом» (точь-в-точь как это делает современный махист Рёссель), то Ленин подверг сокрушительной критике эти жульнические приёмы буржуазного философа, показав, что Пирсон заменяет основную философскую линию материализма (от бытия к мышлению, от материи к ощущению) обратной линией идеализма от субъекта к объекту, от мышления к бытию.

Таким образом, в идеалистических построениях Рёсселя нет ни грана науки, ни тени новизны. Но это не мешает Рёсселю объявлять свою галиматью венцом всего историко-философского развития. Его последняя объёмистая работа — «История западной философии» — имеет своей целью доказать «неопровержимость» субъективно-идеалистического бреда её создателя, показать, что философия Рёсселя является вершиной всей истории философии.

Понятно, что рёсселевская историко-философская макулатура не имеет ничего общего с наукой. Её назначение заключается в том, чтобы защитить и укрепить на материале извращённой им истории философии позиции современного реакционного идеализма, оклеветав при этом материализм и прежде всего диалектический материализм, навязать читателю бредовую мысль, что вершиной всей философской мысли является якобы философия англосаксов, и подпереть тем самым при помощи истории философии гнусную теорию англо-саксонского расизма.

Во введении Рёссель излагает своё понимание предмета философии и истории философии как науки. Рассуждения Рёсселя по этим вопросам изобличают его как злейшего врага и науки, и научной философии. Философию он рассматривает как систему взглядов, призванную объединить и примирить в себе два равноправных, с его точки зрения, взгляда на мир — теологию и науку. «Философия <...> — говорит он, — есть нечто промежуточное между теологией и наукой»*. И философия, и теология, и наука рассуждают о боге, душе, мире и т. п. Отличие между теологией и наукой, утверждает Рёссель, состоит в том, что теология апеллирует к авторитету, наука же — к разуму. Философия не может решить: права теология или права наука. Она не может определить границы теологии, но... мо-

* Ibid. P. 10.

жет установить и устанавливает границы разума, ибо она-де знает, что разум «не даёт науке возможности познать конечные причины всего бытия. Это в состоянии сделать теология, положения которой освящены многовековым авторитетом»*. Так идеалист Рёссель навязывает читателю реакционную идейку о бессилии разума решить основные философские проблемы, идейку о том, что теология стоит выше науки. Рёссель ратует за примирение теологии и науки, за подчинение науки теологии. Основная задача философии, по Рёсселю, в том и состоит, чтобы строго блюсти такое подчинение. Философия — хранительница авторитета теологии, сводящая науку на положение служанки теологии, — так Рёссель, ненавистник науки и слуга теологии, понимает предмет и задачи философии.

Высвобождение науки из-под власти религии было одним из решающих условий её победного шествия в течение последних четырёх столетий по пути познания природы и овладения её силами. И когда рёссели и подобные Рёсселю мракобесы изо всех сил стараются вновь сковать науку цепями религиозных суеверий, то это служит суровым приговором и этим жалким пигмеям и буржуазии, их породившей.

В полном соответствии с рёсселевским пониманием предмета философии стоит его понимание истории философии. Всю историю философии Рёссель сводит к истории борьбы между так называемыми «дисциплинарными» (disciplinarians), то есть охранителями традиционных религиозных воззрений и принципов, и «либертариями» (libertarians), то есть теми, кто содействует научному прогрессу. Из этой борьбы Рёссель исключает «крайние левые элементы», то есть решительных борцов с идеализмом, мракобесием и поповщиной, которых он называет «разрушителями общественного порядка». К ним он прежде всего причисляет материалистов и коммунистов. «Либертарии», к которым Рёссель относит и самого себя, стремятся к «гармоническому» примирению крайних полюсов — теологии и науки. Вся история борьбы между «дисциплинарными» и «либертариями», доказывает Рёссель, ведёт к стиранию противоречий между ними, к образованию и укреплению союза науки и теологии под эгидой философии — рёсселевской философии логического позитивизма. Такова абсолютно антинаучная концепция английского фальсификатора истории философии.

Претенциозно назвав свою книгу «История западноевропейской философии и её связь с политическими и общественными условиями от ранних времён до наших дней», Рёссель в действительности не даёт ничего даже отдалённо похожего на конкретное изображение

* Ibid. P. 10.

тех общественных и политических условий, в которых исторически развивалась философия. В его громоздком «труде» мы не найдём ни изображения борьбы политических течений и социальных групп, происходившей в обществе, ни характеристики изменяющихся хозяйственных условий жизни людей, ни описания развития конкретных наук, отвечавшего нуждам общества. Такой отрыв истории философии от конкретной истории народов и стран нужен Рёсселю для того, чтобы ему легче было фальсифицировать историю философии в угоду своей собственной субъективно-идеалистической, мистико-теологической системе.

Исторические факты, которые привлекает Рёссель, чтобы придать кажущуюся «научность» своим писаниям по истории философии, толкуются им в сугубо идеалистическом духе. Исторические эпохи, как уверяет Рёссель, отличаются одна от другой прежде всего господствующими в них философскими, теологическими или научными системами. Так, при характеристике античности сей псевдоучёный не находит нужным говорить о самом главном — о рабстве, существовавшем в древнем обществе, о классовой борьбе между рабами и рабовладельцами. Так же поступает английский народофоб, когда у него заходит речь о феодально-крепостническом обществе. О борьбе крепостных крестьян с феодалами мы не встретим ни одного слова в книге английского псевдоисторика. Зато многие сотни страниц своей пухлой книги Рёссель посвящает борьбе между феодалами церковными и феодалами светскими, между папами и императорами, совершенно не вскрывая при этом подлинных корней этой борьбы. В освещении истории нового времени мы встречаемся всё с тем же убогим идеализмом. Переход от феодализма к капитализму Рёссель объясняет ростом просвещения, возникновением более либеральных форм теологии и другими чисто идеологическими явлениями. Шовинистически возвеличивая англосаксов, английский аристократ доходит до того, что вопреки общеизвестным фактам утверждает, будто бы только англичане спасли античную культуру и сохранили её достижения на благо культурного развития остальных народов.

Рёссель пытается доказать, что история философии берёт своё начало из античной религии, откуда вместе с тем вышла также якобы и древняя наука. Религия греков, уверяет Рёссель, была свободна от теологических крайностей, в силу чего из её недр возникли и наука, и философия: мол, отсутствие крайних форм теологии в античной Греции предоставило античным «либертариям» — государственным деятелям, учёным — условия для развития науки и примирения её при помощи философии с теологией. Так изображает английский псевдоисторик начало истории философии.

В приведённых рассуждениях Рёсселя всё ложь и обман. Наука и философия в древней Греции возникли не из религии, а в борьбе против религии. Общеизвестно, что античная наука родилась из потребности в удовлетворении практических нужд людей. Сведения в области астрономии приобретались в связи с нуждами земледелия и мореходства, начатки механики неотделимы от потребностей земледелия и практики возведения зданий, математика развивалась вместе с астрономией и механикой. В неразрывной связи с приобретением этих научных сведений возникают и первые попытки их философского обобщения. Так рождается античная, не расчленённая ещё наука, в которой философские взгляды тесно переплетаются с естественно-научными взглядами древних. Это светское, материалистическое по своим философским основам мировоззрение с самого своего возникновения вступает во враждебные отношения с традиционным религиозным мировоззрением.

Но Рёссель ни слова не говорит об этих бесспорных вещах. Он замалчивает ту борьбу, которая существовала между научным и религиозным мировоззрением в античной Греции. Вопреки историческим фактам и логике он плетёт несусветную чушь о возникновении науки и философии из религии, пытаясь на «историческом материале» обосновать стремление неореализма примирить науку с религией.

Излагая историю философии, Рёссель безудержно клеветает на материализм и материалистов. Он подделывает материалистические системы философии под идеализм, игнорирует историческую роль материализма в истории науки и философии, замалчивает выдающихся представителей философской материалистической мысли. Говоря о философских взглядах ионийских мыслителей, Рёссель ни словом не упоминает об их материализме. Гераклит для Рёсселя — отнюдь не великий античный материалист и диалектик, а мистик, создатель новой религии, автор этической системы, представляющей собою, по мнению Рёсселя, «род гордого аскетизма, подобного аскетизму Ницше». Рёссель всячески поносит и критикует Гераклита за его диалектику. С точки зрения Рёсселя, Гераклит был абсолютно неправ, смотря на мир как на вечный процесс движения, изменения и развития некоторого материального начала — «огня». Миру, по Рёсселю, свойственны вечные и абсолютно неизменные начала, универсальные логические данности, из которых образуется всё многообразие действительности. Этот свой идеалистический тезис Рёссель «подкрепляет», с одной стороны, «авторитетом» современного безвестного теолога и мистика попа Дж. Инджа, с другой же — мистикой идеей Платона.

О великом античном материалисте-атомисте — Демокрите — Рёссель говорит несколько ничего не значащих слов, замалчивая

самое главное и существенное для всей истории античной философии — борьбу линии материализма Демокрита с линией идеализма Платона. Это замалчивание преследует у Рёсселя вполне определённую цель — показать, во-первых, что положение диалектического материализма о борьбе партий в философии является будто бы положением неправильным, а во-вторых, внушить читателю мысль, что наука и теология якобы не являются антагонистами и поэтому легко могут примириться в одном целом — в философии. По отношению к другому великому античному материалисту — Эпикуру — Рёссель применяет метод прямой клеветы и грубого надругательства. Вопреки исторической правде он отрицает значение Эпикура как великого античного просветителя и повторяет ветхую ложь об Эпикуре как проповеднике грубой морали животных наслаждений.

Подробнейшим образом и с видимым наслаждением расписав все мистические, теологические, религиозные учения пап, отцов церкви, богословов и прочих мракобесов, подвизавшихся в средние века, Рёссель старательно обходит борьбу номинализма с реализмом — средневековую форму борьбы материализма с идеализмом. В книге нет ни слова ни об этой борьбе, ни об элементах положительного знания, развивавшегося в феодальную эпоху.

Такому же извращению подвергает Рёссель и историю материализма нового времени. Ф. Бэкон — родоначальник материализма и опытных наук нового времени — под пером Рёсселя превращается в дюжинного позитивиста и голого эмпирика, якобы отрицавшего значение математики и абстрактного мышления вообще в процессе познания. Дуалистическую философию Декарта Рёссель изображает как цельное учение, не имеющее в себе никаких серьёзных противоречий. Он почти ничего не говорит о материалистической физике Декарта, заключавшей в себе ценный научный материал, зато подробно расписывает его идеалистическую метафизику, восхищаясь декартовской теорией врождённых идей, давно уже отвергнутой наукой. Именно как автора идеалистической метафизики объявляет Рёссель Декарта основателем всей новой философии, развивающей якобы основные положения декартовского идеализма. Материалист Спиноза безапелляционно причисляется Рёсселем к идеалистам и мистикам. Глубокое учение Спинозы о субстанции объявляется Рёсселем «ненаучным», Спинозовский атеизм отрицается как несуществующий, а вся материалистическая система Спинозы получает название «логического монизма», то есть причисляется к одной из разновидностей современного субъективного идеализма. Английский материалист (правда, непоследовательный) Локк характеризуется в книге Рёсселя как представитель субъективно-идеалистического сенсуализма. Из локковской философии вытрав-

ляются все элементы материализма и прежде всего — абсолютно неприемлемая для идеалиста локковская критика теории врождённых идей Декарта. Особенно «решительно» поступает заклятый враг материализма лорд Рёссель с французским материализмом XVIII в. Блестящих представителей французского просвещения и материализма: Гольбаха, Дидро, Гельвеция и др., которые были врагами религии, идеализма и мракобесия, — Рёссель исключает из истории философии на том основании, что они-де были представителями левого лагеря, «разрушителями порядка», мешали осуществлению союза теологии и науки. Так же поступает Рёссель и с представителями английской материалистической мысли: Толандом, сделавшим важный вклад в развитие научной и философской мысли своим положением о движении как атрибуте материи, Гартли и Пристли — известными учёными и философами. Рёссель выбрасывает из истории философии и такого борца за науку против мракобесия и поповщины, как Джордано Бруно — одного из тех мыслителей, от которых датирует новейшая философия.

Так путём разнообразной фальсификации материалистических учений Рёссель достигает того, что из истории философии полностью устраняется принципиальная, непримиримая борьба материализма с идеализмом. Одни материалисты снижаются им до степени дюжинных «либертарииев», стремящихся к примирению с идеализмом, другие просто вычёркиваются из истории философии. Эта чудовищная фальсификация истории философии понадобилась философу твердолобых, чтобы доказать неизбежность и необходимость союза науки и теологии, необходимость «гармонического» сочетания положительного знания с мистикой, прогресса с реакцией при сохранении господствующего положения за теологией, мистикой и реакцией.

Третируя материалистов и извращая их учения, Рёссель одновременно всячески расхваливает всех представителей идеализма. Критическое отношение Рёсселя к отдельным представителям идеализма обнаруживается только в тех случаях, когда он замечает у них некоторые признаки отступления от идеализма, или когда он находит неумелой их борьбу против материализма. Преследуя цель пропаганды идеализма, Рёссель исключительно подробно расписывает мистику идей Платона, его насквозь идеалистическую теорию познания (теорию «воспоминания»), мистико-телеологические воззрения на природу, бред о бессмертии души и т. д. Рёссель ставит Платона выше Аристотеля на том основании, что христианской религии философия Платона ближе, чем философия Аристотеля.

При характеристике философии Аристотеля Рёссель всячески скрадывает её материалистические и диалектические тенденции,

выпячивая на первый план её сугубо идеалистические стороны. Так, он совершенно игнорирует критику Аристотелем теории идей Платона, которая по сути своей является критикой объективного идеализма вообще. Спор между Аристотелем и Платоном по вопросу об универсалиях Рёссель сводит к спору о словах, всячески затушёвывая его принципиальный характер. Зато Рёссель подробно пересказывает аристотелевские идеалистические рассуждения о перводвигателе, первоформе, бессмертии души и т. д., как ранее он подробно излагал учение Платона об идеях, сверхчувственной природе знания и т. п. Рёссель считает, что разница между Платоном и Аристотелем, вообще говоря, не принципиальная, а чисто формальная. Платон, дескать, учил о неизменяющемся «математическом боге», а Аристотель — о развивающемся «биологическом боге». «Аристотелевская метафизика, грубо говоря, может быть определена как платоновская, разбавленная здравым смыслом», — пишет Рёссель*. Особый восторг вызывают у современного английского мистика философско-теологические воззрения античного мистика Платона. Рёссель называет его учение одной из вершин в истории всей античной философии. Английский лорд восхищается и платиновскими аргументами против материализма, и всей его концепцией об отношениях души и тела; она-де «более ясная, чем у Платона и Аристотеля»**. Мракобес эпохи загнивающего капитализма изъясняется в чувствах любви и почтения к мракобесу эпохи разлагающегося античного рабства!

Излагая историю идеализма нового времени, Рёссель всячески размалёвывает самые реакционные и антинаучные системы и учения. Так, он превозносит идеалистическую теорию познания Лейбница. По адресу епископа Беркли Рёссель высказывает «критические» замечания: современный английский идеалист упрекает английского идеалиста XVIII в. за слишком «топорную» работу — за то, что Беркли чересчур грубо проповедовал поповщину и не сумел развить «достаточные» аргументы против материализма. Рёссель превозносит убогие идеалистические системы XIX и XX вв.: философию немецкого мистика Шопенгауэра, объявившего «волю» сокровенной сущностью мира; французского идеалиста Бергсона, поносившего человеческий разум и доказывавшего, что постижение истины человеком осуществляется в акте таинственной «интуиции»; американских прагматистов Джеймса и Дьюи, ярых врагов прогресса и науки. Философские воззрения последних Рёссель рассматривает как воззрения, непосредственно подготовившие его собственные философско-теологические писания.

* Ibid. P. 184.

** Ibid. P. 310.

В своей псевдоистории Рёссель говорит и о социализме. Английский лорд знает, что в нынешних условиях защищать устои капитализма старыми способами, открыто восхваляя капиталистический строй, нельзя, что для успешной его защиты нужно прикрываться лжесоциалистической фразой. Таким лжесоциализмом, вполне приемлемым для империалистов, является лейбористский «демократический» социализм. Вот почему в своей «Истории западноевропейской философии» английский аристократ защищает эту разновидность буржуазного социализма от критики сторонников научного социализма — коммунистов.

Понятно поэтому, что предшественниками современного социализма Рёссель считает не великих социалистов-утопистов, остро и решительно критиковавших капитализм и указывавших на его язвы (их он в своей книге даже не упоминает), а представителей буржуазной вульгарной политэкономии — Джона Стюарта Милля, Сея и такого пошлого апологета капитализма, как Иеремиа Бентам, который славил «добродетели» капиталистического общества, выдавая его за строй, способный якобы принести наибольшее счастье наибольшему числу людей. Рёссель как некое «откровение» подробно излагает пошлейшую теорию полезности Бентама, именуя его «великим учёным», «глубоким мыслителем» и т. п. Расхваливание вульгарных идеологов английской буржуазии XIX в. соседствует в писаниях Рёсселя с комплиментами по адресу лидеров современного английского лжесоциализма — Ласки, Коля, Бенина, Филлипса и других представителей правого лейборизма.

Свирепой ненавистью ненавидит английский аристократ Рёссель революционнейшее учение современности — марксизм-ленинизм. Он знает, что под знаменем марксизма-ленинизма многомиллионные массы трудящихся всех стран ведут непримиримую борьбу с капитализмом. Именно поэтому он бесстыдно клеветает на марксизм, подвергая его чудовищным извращениям.

Ненависть к марксизму-ленинизму неразрывно связана у Рёсселя с ненавистью к Советскому Союзу. Клевета на марксизм-ленинизм сочетается у него с клеветой на СССР. Великую Октябрьскую социалистическую революцию Рёссель называет анархией, яростно нападает на советскую демократию.

Потомственный английский аристократ Бертран Рёссель не гнушается выступать в роли прислужника американского денежного мешка и для изъяснения лакейской преданности американским хозяевам усердно использует свою «Историю западноевропейской философии». Рёссель всячески восхваляет господство монополий в США, лживо изображая диктатуру американских трестов в качестве «демократического рая». Наглое восхваление английского

и особенно американского империализма достигает у него таких «высот», на какие способны только завзятые холуи империализма. Вопреки общеизвестным фактам Рёссель утверждает, что английские и американские монополисты очень миролюбивы и ненавидят войну. Он так буквально и пишет: «Теперь и в Англии, и в Америке крупные монополисты в целом ненавидят войну»*.

Рёссель ненавидит и презирает народ и вместе с тем боится его. Рост сознательности широких масс, нарастающая революционная борьба народов против своих угнетателей повергают философствующего лорда в страх и трепет. Во всех своих писаниях последнего времени Рёссель проповедует кротость, призывает народы к покорности и «миролюбию» по отношению к империалистическим законам, всячески расхваливает мораль, заимствованную у стоиков христианством. Именно за создание рабской морали покорности, полезной рёсселям ныне для удержания в подчинении рабов капитала, английский лорд превозносит философию рабовладельческого императорского Рима.

Но действительность убедительно показывает, что в наше время народы меньше всего склонны подчиняться господству как «своего» империализма, так и империализма других государств. И Рёссель советует империалистам действовать так, как в своё время действовал рабовладельческий Рим: силою оружия устанавливать своё господство над народами. Для спасения «современной цивилизации», сиречь империализма, сей, не по годам резвый, старичок предлагает сочетать твёрдость диктатуры Рима с теологией Августина Блаженного. «Проблема прочного и удовлетворительного социального порядка, — проповедует Рёссель, — может быть решена только соединением прочности Римской империи с идеализмом “Божьего града” святого Августина»**. Важную роль в осуществлении такого соединения отводит Рёссель современной идеалистической философии, в первую очередь, разумеется, своей собственной философии. По мнению Рёсселя, философия логического позитивизма с помощью символической логики может доказать бытие бога самым современным способом. Бог же нужен для освящения господства империалистов над народами мира.

Доказать «самым современным способом» бытие бога, освятить его именем диктатуру голой силы англо-американского империализма над всем миром — вот конечная цель фальсификации, преподносимой Бертраном Рёсселем в его книге «История западноевропейской философии».

* Ibid. P. 671.

** Ibid. P. 515.

* * *

Заведомое и злостное искажение истории философии, проделанное Берtrandом Рёсселем, отнюдь не представляет собой единичного явления в англо-американской реакционной философии. Воюя против диалектического материализма и науки, буржуазные философы для защиты и обоснования идеализма стремятся использовать историю философии, соответственно её «обработав». Лживое и наглое «произведение» Рёсселя — пример того извращения, какое претерпевает история философии в писаниях идеологов империалистической реакции.

Современная идеалистическая философия, указывал тов. Жданов в своём выступлении на философской дискуссии, отражает всю глубину, низость и мерзость падения буржуазии. Это в полной мере относится и к истории философии, создаваемой современными идеалистами. Изложение ими истории философии ставит своей целью поругание материализма и науки, прославление суеверия и реакции, увековечение гнёта социального, политического, духовного. Яркий тому пример — «История западной философии» Бертранда Рёсселя.

